

Большой «Фонтан»

Думается так будет называться дайджест, составленный из первых ста номеров журнала "Фонтан". Но это в будущем. А сейчас нельзя не поздравить вице-президента Всемирного клуба одесситов, редактора журнала "Фонтан" Валерия Хаита с выходом сотого номера. Тем более что его уже поздравила вся Одесса — и та, что у Черного моря, и та, что у Москва-реки, и та, что на Гудзоне.

А как не поздравить Валерия Горелова, построившего в нашем городе, начинавшегося с фонтана на Соборной площади, еще один "Фонтан", да еще какой!

А как не поздравить редакцию, писателей и читателей! Что мы и делаем. Тем более, что имеем на это право первой ночи, так как родился замысел во Всемирном клубе одесситов.

А сейчас — представляем читателям газеты страницы из 100-го номера журнала.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Рисунки Резо Габриадзе

Фонтан

Ого! Уже сотый журнал "Фонтан"! Как быстро всё это вылетает! Отдельное спасибо издателю Валерию Горелову. Это ж надо так просто и долго... Спасибо редакции. Уже столько лет это издание смешно и неприбыльно украшает периодическую жизнь нашего города. Мудрого взгляда! Здравого смысла! Тонкого юмора! Громкого хохота! Юмор в Одессе — это сказать, не договорив, и засмеяться, не дослушав. Ваш через дорогу

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Валерий ХАИТ

«...ТОЧНО ДЕПУТАТОМ БУДЕТ!»

Жил в Одессе замечательный человек Александр Менделевич Баренбойм. Фронтник-танкист, блестящий педагог, мудрец. Как-то помню застолье в Доме актера. Тосты — один остроумнее другого, хохот, импровизации. Вдруг слово просит Александр Менделевич:

— Простите, пожалуйста, здесь выступало столько остроумных людей; позвольте сказать несколько слов просто умному человеку...

Михал Михалыч Жванецкий — об одном успешном одесском бизнесмене, к которому многие обращаются за помощью, и он никогда никому не отказывает:

— Вы обратите внимание, какой парадокс: богатеет он, а лучше становится всем вокруг!..

Знакомая ходит к стоматологу. Тот ей рассказал:

— Приходит ко мне старичок, возраст — лет девяносто. Я смотрю: все зубы отличные, белые, одна пломбочка всего, вторую пришел ставить. Я ему: "Скажите, как вам удалось сохранить зубы в таком отличном состоянии?". Тот мнется, отнекивается, и "неловко говорить", и "нет, мне неудобно"... Я ему: "Да вы не стесняйтесь, я же врач, мне все говорить можно". — "Нет, это стыдно и вообще... Ну ладно, я вам скажу, только тихонько... Понимаете, я никогда в жизни не чистил зубы".

Наталья ХАТКИНА

Горький и слон

Когда мне исполнился годик, чего я, конечно, не помню, какой-то остроумный человек подарил моей маме (вроде как для меня) гипсового Горького. Писатель сантиметров в сорок — но все равно великий. Сидит на утесе, обхватив колени руками, и смотрит вдаль. Предпожительно — на волжские просторы. Если сидишь на утесе, то куда еще смотреть? Впрочем, может быть, это был не утес, а пень. От спиленного величественного дуба, место которого занял великий русский писатель.

С того самого момента, как этот "бюст в полный рост" (так выразился даритель) был вручен маме, судьбы (моя и гипсового Горького) определились раз и навсегда.

Судьба Горького была незавидна. Его обрекли пылиться на шкафу. Меня судьба тоже не радовала. Подросла я. И как минимум трижды в год мама отдавала мне распоряжение: "Помой своего Горького!".

Мыть Горького было нелегко. В складки его романтической Иегудиилхлады забивалась пыль. Пень-утес тоже был в достоверную складочку. Проклятый реализм! Пыль из складочек приходилось выцарапывать спичкой с намотанной на нее ваткой.

Но вот что интересно: сколько у нас в доме с тех пор разбилось вазочек, сколько всего растряслось-потерялось при

переездах, — а Горькому хоть бы хны! Он все-таки великий был писатель. И деваться мне от него было некуда. Я тоже стала писать: сперва стишки, а потом и рассказы, — и потихоньку рассылать их в разные редакции. В журнал "Пионер", например. И тут заметилась интересная закономерность: как помою Горького — так меня и напечатывают. Я радовалась. А вот вам всем! Пусть только теперь бабушка попробует обозвать меня "поэтессой сопливой"! Правда, она все равно обзывала, но в союзе с Горьким подобные гонения меня только укрепляли морально. И плюс зародилась подозрительность в необходимости сакральных действий. То есть совершения чего-нибудь бессмысленного (например, мытья бюста в полный рост) для получения осмысленного (например, гонорара).

Шло время (мороз крепчал, смеркалось, вечерело). Горький приютился в кладовке рядом с двумя запасными заварочными чайниками. Он смотрит в стенку. Давно невымытый. Зачем мне Горького мыть?.. Я теперь слона мою. И вот почему.

Одним очень позапрошлым летом затеяла я разборку кладовки и балкона. И как раз такая жара была! Мой друг Истриков, приглашенный на подмогу, просто изнемогал...

Мне было не легче. Для разрядки я рассказала

ему про сакральное мытье Горького.

— Так ты, может, что-нибудь такое помоешь, чтоб попрохладнее стало?

— Что?

— Ну вообще-то, у тебя тут много чего нужно помыть...

— Смотри, какой чистюля!

— Я не хотел сказать ничего плохого... Вот — слон. Попробуй его помыть. Вдруг жара спадет?

Это был не слон — так, слоник. Маленький белый слоник с воздетым хоботом. Из тех мелких вещичек неизвестного материала, которые как-то незаметно приживаются на полках. И там пылятся.

Идея помыть слона меня вдохновила. Я отправилась под холодный душ и плясала там вместе со слоником, накликавая дождь. Как — не помню. Мы, шаманки, обычно впадаем в транс.

К вечеру на город наплыли тучи. Свежий ветер сдул жару. Полил дождь и прибил пыль. Чихнувшие цветы и деревья воспряли. Дышать стало легко...

Теперь я каждый год в самую жару мою слона. И помогает.

А эти свои "заметки фенолога" я пишу в феврале (минус двадцать).

Что бы такое помыть, чтобы растаял снег и потеплело? Может, перевернуть слона вверх хвостом и залезть в горячую ванну?

И Горького туда с собой взять...